

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ПАВЕЛ
МЕЛЬНИКОВ

На горах
Том II

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
М48

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении переплета использованы
фрагменты работы художника
Михаила Нестерова

Мельников, Павел Иванович.

М48 На горах. Том II / Павел Мельников. — Москва : Эксмо, 2023. — 576 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-122904-7

Заповедные края нижегородского Нагорья, протянувшиеся по берегам Волги. Здесь живут легендарные своими причудами купцы-миллионщики, свято сберегающие древнюю веру раскольники, неистово скачущие на тайных радениях сектанты-хлысты. Здесь расцветает любовь Дуняши Смолокуровой и купца Петра Самоквасова, да только через многие испытания суждено им пройти, прежде чем обретут они счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-122904-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В степной глуши, на верховьях тихого Дона, вдали от больших дорог, городов и людных селений, стоит село Луповицы. Село большое, но строенье плохое в нем, как зачастую бывает в степных малолесных местах, — избы маленькие, крыты соломой, печи топят по-черному, тоже соломой, везде грязь, нечистота, далеко не то, что в зажиточном привольном Поволжье. Зато на гумнах такие скирды хлеба, каких в лесах за Волгой и не видывали.

Овраг, когда-то бывший порядочной речкой, отделяет крестьянские избы от большой, с виду очень богатой господской усадьбы. Каменный дом в два яруса, с двумя флигелями лицевой стороной обращен на широкий двор и окружен палисадником, сплошь посаженным сиренью, жимолостью, таволгой, акацией и лабазником¹. За домом старинный тенистый сад с громадными дубами и липами. С первого взгляда на строенье кидается в глаза их запущенность. Видно, что тут когда-то жила на широкую руку, а потом или дела хозяина расстроились, или поместье досталось другим, изменившим образ жизни прежних владельцев и забросившим роскошные палаты в небрежение. В стороне от усадьбы был огромный, но уж наполовину совсем развалившийся псарный двор, за ним — театр без крыши, еще дальше — запустелый конный завод и суконная фабрика. Зато хозяйственные

¹ Жимолость — *Lonicera tatarica*. Таволга — *Spirea crenata*. Лабазник — *Spirea ulmaria*.

постройки были в редком порядке — хлебные амбары, молотильня, рига на славу были построены из здорового леса, покрыты железом, и все как с иголочки новенькие.

Отец Луповицких был одним из богатейших помещиков той стороны. Смолоду служил, как водится, в гвардии, но после возврата наших войск из Франции вышел в отставку, женился и поселился в родовом своем именье. Заграничная жизнь хоть и порасстроила немножко его дела, но состояния не пошатнула. Луповицкий барином жил, гости у него не переводились: одни со двора, другие на двор. Пирывывали чуть не каждый день, охоты то и дело, и никто из соседей-помещиков, никто из городских чиновников даже помыслить не смел отказаться от приглашения гостеприимного и властного хлебосола. Иначе беда: Луповицкий барин знатный, генерал, не одно трехлетие губернским предводителем служил, не только в своей губернии, но в Петербурге имел вес. Связи у него в самом деле были большие — оставшиеся на службе товарищи его вышли в большие чины, заняли важные должности, но со старым однополчанином дружбу сохранили. Приязнь их тщательно поддерживалась породистыми конями Луповицкого, отводимыми в Петербург на конюшни вельможных друзей. На псарном дворе у Луповицкого было четыреста псов борзых да триста гончих. Оркестр крепостных музыкантов управлялся выписанным из Италии капельмейстером. Была и роговая музыка, было два хора певчих, актеры оперные, балетные, драматические, живописцы, всякого рода ремесленники, и все крепостные. Так широко и богато проживал в своем поместье столбовой барин Александр Федорыч Луповицкий.

Под шумок поговаривали, будто Луповицкий масонства держится. Немудрено — в то время каждый сколько-нибудь заметный человек непременно был в какой-нибудь ложе. Масонство, однако ж, не мешало шумной, беспечной жизни богатых людей, а не слишком достаточные для того больше и поступали в ложи, чтобы есть роскошные даровые ужины. Ежели Луповицкий и был масоном, так это не препятствовало ни пирам его, ни театру, ни музыке, ни охоте.

Иное случилось, когда он прожил в Петербурге целую зиму. Воротившись оттуда, к удивлению знакомых и незнакомых, вдруг охладел он к прежним забавам, возненавидел пиры и ночные бражничанья, музыку и отъезжие поля — все, без чего в прежнее время дня не мог одного прожить. Музыканты, актеры, живописцы распущены были по оброкам, псарня частью распродана, частью перевешана, прекратились пиры и банкеты. Для привычных гостей двери стали на запоре, и опустел шумный дотоле барский дом. Луповицкий с женою стали вести жизнь отшельников. Вместо прежних веселых гостей стали приходиться к ним монахи да монахини, странники, богомольцы, даже юродивые. Иногда их собиралось по несколько человек разом, и тогда хозяева, запершись во внутренних комнатах, проводили с ними напролет целые ночи. Слыхали, что они взаперти поют песни, слышали неистовый топот ногами, какие-то странные клики и необычные всхлипыванья. Через несколько времени, опричь странников и богомольцев, стали к Луповицким сходиться на ночные беседы солдаты, крестьяне, даже иные из ихних крепостных. Никто понять не мог, что этот сброд грубых невежд и шатунов-дармоедов делает у таких просвещенных, светских и знатных людей, как Луповицкие. Александр Федорыч и в другом изменился: любил он прежде выпить лишнюю рюмку, любил бывать навеселе, любил хорошо и много покушать — а теперь ни вина, ни пива, даже квасу не пьет, только и питья у него чай да вода. Не только мясного — рыбного за столом у него больше не бывало, ели Луповицкие только хлеб, овощи, плоды, яйца, молочное — и больше ничего. Зато и в Светлое Воскресенье и в Великую пятницу с сочельниками подавалась у них одна и та же пища.

Сестра Луповицкого была замужем за Алымовым, отцом Марьи Ивановны, умерла она раньше перемены, случившейся с ее братом. Вскоре умер и муж ее, — тогда Луповицкие маленькую сиротку, Марью Ивановну, взяли на свое попечение. Воспитанье давали ей обыкновенное для того времени — наняты были француженка, немка, учительница музыки, учительница пения, а русскому языку, русской

истории и закону Божию велели учить уволенному за пьянство из соседнего села дьякону. Два сына Александра Федорыча тоже дома воспитывались — целый флигель наполнен был их гувернерами и разного рода учителями, от высшей математики до верховой езды и фехтованья. Все иностранцы были, а русскую премудрость и сынки с Марьей Ивановной почерпали у пропившегося дьякона. Петербургские вельможные друзья в благодарность за резвых рысаков предлагали Луповицкому выхлопотать его сыновьям звание пажей, но Александр Федорыч, до поездки в Петербург сильно тосковавший, что, не будучи генерал-лейтенантом, не может отдать детей в пажеский корпус, и слышать теперь о том не хотел. «Хочу из них сделать сельских хозяев», — писал он к старым своим приятелям, и нельзя было разуверить друзей его, что бывший их однополчанин обносился умом и на вышке у него стало не совсем благополучно.

Все дивились перемене в образе жизни Луповицких, но никто не мог разгадать ее причины. Через несколько лет объяснилась она. Был в Петербурге «духовный союз» Татариновой¹. Принадлежавшие к нему собирались в ее квартире и совершали странные обряды. С нею через одного из вельможных однополчан познакомился и Александр Федорыч. Вскоре и сам он и жена его, женщина набожная, кроткая и добрая, вошли в союз, а воротясь в Луповицы, завели у себя в доме тайные сборища.

Между тем, когда о «духовном союзе» узнали и участников его разослали по монастырям, добрались и до Луповицких. Ни их богатства, ни щедрые пожертвования на церкви, больницы и богадельни, ни вельможные однополчане —

¹ Екатерина Филипповна Татаринова, жена директора рязанской гимназии, урожденная Буксгевден, во втором десятилетии нынешнего столетия собирала таинственные собрания в квартире своей матери в Петербурге, в Михайловском замке. Это было собрание хлыстов из высшего общества, во многом сходное с нынешней редстоковщиной или пашковщиной. Оно называлось «духовным союзом». После того как собрания Татариновой были прекращены, они возобновились в Петербурге же за Московской заставой и в тридцатых годах снова были закрыты. В это время Татаринова и некоторые из ее последователей были разосланы по монастырям.

ничто не могло им помочь. Кончил свои дни Александр Федорыч в каком-то дальнем монастыре, жена его умерла раньше ссылки.

И сыновья и племянница хоть и проводили все почти время с гувернерами и учительницами, но после, начитавшись сначала «Четьи-миней» и «Патериков» об умерщвлении плоти угодниками, а потом мистических книг, незаметно для самих себя вошли в «тайну сокровенную». Старший остался холостым, а меньшей женился на одной бедной барышне, участнице «духовного союза» Татариновой. Звали ее Варварой Петровной, у них была дочь, но ходили слухи, что она была им не родная, а приемный либо подкидыш.

Ссылка отца научила сыновей быть скрытней и осторожнее. Не прекратились, однако, у них собрания, но они стали не так многолюдны. Не было больше на них ни грязных юродивых, ни шатунов-богомольцев, ни странников; монахи с монахинями хоть и бывали, но редко. Притаились и молодые Луповицкие, как-то проведавши, что и за ними следят. Тогда Марья Ивановна из Луповиц переехала в свое Талызино и там выстроила в лесу дом будто для житья лесника, а в самом деле для хлыстовских сборищ. В тех местах хлыстовщина меж крестьянами велась исстари, и Марья Ивановна нашла много желавших быть участниками в «тайне сокровенной». Но через несколько лет, узнав, что об лесных ее сборищах дошли вести до Петербурга, она решилась переехать на житье в другую губернию. Кто-то сказал ей, что продается пустошь Фатьянка, где в старые годы бывали хлыстовские сходбища с самим Иваном Тимофеичем, христом людей божиих; она тотчас же купила ее и построила усадьбу на том самом месте, где, по преданьям, бывали собрания «божьих людей»¹.

Рады были Луповицкие сестрину приезду, давно они с ней не видались, обо многом нужно было поговорить, обо

¹ «Божьими людьми» называют сами себя хлысты. Иван Тимофеевич Суслов, христос людей божьих, жил в конце XVII и в начале XVIII столетия, проповедовал свое учение в нынешних Владимирской, Нижегородской, Костромской и Ярославской губерниях, а также в Москве, где и умер.

многом посоветоваться. Письмам всех своих тайн они не доверяли, опасаясь беды. Потому раза по два в году езжали друг к другу для переговоров. Луповицкие сначала удивились, что Марья Ивановна, такая умная и осторожная, привезла с собой незнакомую девушку, но, когда узнали, что и она желает быть «на пути», осыпали Дуню самыми нежными ласками. С хорошенькой, но как смерть бледной племянницей Марьи Ивановны, Варенькой, Дуня Смолокурова сблизилась почти с первого же дня знакомства. Молодая девушка, с небольшим лет двадцати, с умными и немножко насмешливыми глазами, приняла Дуню с такой радостью, с такой лаской и приветливостью, что казалось, будто встречает она самую близкую и всей душой любимую родственницу после долгой разлуки.

Обстановка дома Луповицких поразила Дуню, до тех пор сидевшую в четырех стенах отцовского дома и не видавшую ничего подобного. Налюбоваться не могла она на убранство комнат, сохранивших еще остатки былой роскоши. Огромные комнаты, особенно большая зала с беломраморными стенами и колоннами, с дорогими, хоть и закоптелыми люстрами, со стульями и диванчиками, обитыми хоть и полинявшею, но шелковой тканью, другие комнаты, обитые гобеленами, китайские вазы, лаковые вещи, множество старого саксонского и севрского фарфора — вся эта побледневшая, износившаяся роскошь когда-то изящно и свежо разубранного барского дома на каждом шагу вызвала громкое удивление Дуни. Варенька снисходительно улыбалась ей, как улыбается взрослый человек, глядя на любопытного ребенка. На восторженные похвалы Дуни она холодно, презрительно даже сказала:

— Суета! Язычество!.. Удивляюсь, как до сих пор не выкинут всего этого в помойную яму.

— Как это можно! — воскликнула Дуня. — Такие прекрасные, такие красивые вещи.

— Суета и пустота! — молвила Варенька. — Это ведь все от врага, это все на усладу язычникам.

— Каким язычникам? Кажется, теперь их больше нет, — с удивлением сказала Дуня.

— Земля полна язычниками; избранное стадо не велико, — отвечала Варенька.

— Кто ж язычники? — спросила Дуня.

— Все, — ответила Варенька. — Все, кого до сих пор вы знали, кроме разве одной тетеньки, — сказала Варенька и, не дав Дуне слова вымолвить, спросила у нее: — Сколько вам лет?

— Девятнадцать, — ответила Дуня.

— Пора отложить суету, время вступить вам на «путь». Я сама в ваши годы пошла путем праведным, — понизив голос, сказала Варенька. — Однако пойдемте, я вам сад покажу... Посмотрите, какой у нас хорошенький садик — цветов множество, дядя очень любит цветы, он целый день в саду, и мама тоже любит... Какие у нас теплицы, какие растения — пойдемте, я вам все покажу..

И девушки, взявшись под руку, вышли на обильно установленную цветами мраморную террасу, а потом медленными шагами спустились в сад по широким ее ступеням.

* * *

Меж тем Марья Ивановна сидела в комнате старшего брата с меньшим братом и с его женою.

— Ну как, Машенька, устроилась ты в Фатьянке? — спросил Николай Александрыч.

— Слава Богу, совсем почти обстроилась, остается внутри кой-что обделать да мебель из Талызина перевезти, — отвечала Марья Ивановна. — К осени, Бог даст, все покончу, тогда все пойдет своей колеей.

— Что ж? В самом деле был там корабль¹ Ивана Тимофеевича? — спросила Варвара Петровна.

— В самом деле, — отвечала Марья Ивановна. — И по преданиям так выходит и по всем приметам. Тут и Святой ключ, и надгробный камень преподобного Фотина, заметны ямы, где стоял дом, заметны и огородные гряды.

¹ К о р а б л е м называется общество хлыстов.

— Хорошо, что в твои руки досталось место, — сказала Варвара Петровна. — Летом на будущий год непременно у тебя побываю. Теперь, говоришь, ничего еще у тебя не приспособлено?

— Еще ничего, — отвечала Марья Ивановна. — Сионскую горницу¹ сделали, не очень велика, однако человек на двадцать будет. Место в Фатьянке хорошее — уютно, укромно, от селенья не близко, соседей помещиков нет, заборы поставила я полторы сажени вышиной. Шесть изб возле дома также поставила, двадцать пять душ перевела из Талызина. Все «наши».

— А поблизости есть ли божьи-то люди? — спросил Андрей Александрыч.

— Еще не знаю, — отвечала Марья Ивановна, — пока до меня не доходило. Да я, впрочем, и разыскивать не стану. Не такое время теперь. Долго ли до беды?

— Ну а эта девушка, что с тобой приехала? В самом деле близка она к «пути»? — спросил Николай Александрыч.

— Совсем готова, — сказала Марья Ивановна. — Больше восьми месяцев над Штиллином, Гион и Эккартсгаузенем сидела. И такая стала восторженная, такая мечтательная, созерцательная и нервная. Из нее выйдет избранный сосуд.

— Ну, это еще не угадано, — молвил меньшей Луповицкий. — Бывали и восторженные, бывали и мечтательные, а после назад возвращались в язычество, замуж даже выходили.

— Эта замуж не пойдет, — сказала Марья Ивановна. — Любовь житейская ей противна, в этом я успела настроить ее. И другая есть тому причина — я и той воспользовалась, хоть и ни разу даже не намекнула Дуне об ее сердечных ранах. Понравился ей какой-то купчик, познакомилась я с нею тотчас после разрыва, поговорила с ней, посоветовала читать мистические книги, а теперь, проживши у них больше двух недель, кажется, совсем ее укрепила. Многое порассказала я ей, и теперь она горит желаньем услышать «живое

¹ Сионской горницей у хлыстов называется комната, где происходят их собрания.

слово». В первое же собрание можно будет ее допустить, разумеется, пока без «приводу»¹. Я уверена, что она озарится. Когда будет у нас собрание-то?

— Хотелось бы в субботу на воскресенье, — сказал Николай Александрыч. — Не знаю, соберутся ли.

— А помногу ль теперь собираются? — спросила Марья Ивановна.

— Умалился корабль, очень умалился, — скорбно промолвил Николай Александрыч. — Которых на земле не стало, которые по дальним местам разошлись. Редко когда больше двадцати божьих людей наберется... Нас четверо, из дворни пять человек, у Варварушки в богадельне семеро. Еще человека два-три со стороны. Не прежнее время, сестрица. Теперь, говорят, опять распыхались злобой на божьих людей язычники, опять иудеи и фарисеи² воздвигают бурю на Христовы корабли. Надо иметь мудрость змиину и как можно быть осторожней.

И с покорным видом, с умильным взором на Спасителя с апостолами во время бури на Галилейском море, знаменитой кисти известного художника Боровиковского, запел Николай Александрыч вполголоса заунывную песню. Другие вполголоса припевали ему, а у него щеки так и орошались слезами.

Кораблик заливает морскими волнами,
Сверху грозят тучи, стоячи над нами,
Заставляют бедных страдать под водами.
Скудны мы, бедны — нищета вся с нами,
Скудость и бедность всегда жила с нами,
Как в прежних веках, так и ныне тоже.
Ох, много зачинающих, да мало скончевающих!
Припадем коленами на мать сыру землю,
Пролием мы слезы, как быстрые реки,
Воздохнем в печали к создателю света:
«Боже ты наш, Боже, Боже отец наших,

¹ «Привод» — обряд поступления в секту.

² Иудеями и фарисеями хлысты называют православные власти, преимущественно духовные.

Услыши ты, Боже, сию ти молитву,
Сию ти молитву, как блудного сына,
Приклони ты ухо к сердечному стону,
Прими ты к престолу текущие слезы,
Пожалей, создатель, бедное создание,
Предел и нас, Боже, к избранному стаду,
Запиши, родитель, в животную книгу,
Огради нас, бедных, своею оградой,
Приди в наши души с небесной отрадой,
Всех поставь нас, Боже,
Здесь на крепком камне,
Чтоб мы были крепки во время печали;
Мы всегда желаем быть в избранном стаде,
Ты наш учитель, ты наш попечитель,
Просим милости богатой у тебя, владыки,
И всегда ходить желаем под твоим покровом,
Ты нас, батюшка, питаешь и всем оделяешь,
В наших скорбях и печалях сам нас подкрепляешь,
Тебе слава и держава в пречистые руки».

Все сидели с благоговением и плакали. Не вдруг успокоились, долго сидели после того молча, вздыхая и отирая слезы. Наконец Марья Ивановна спросила у Николая Александрыча:

— А в «слове» кто теперь ходит?¹

— Да все те же. Племянница наша, Варенька, стала в слове сильна и с каждым разом сильнее становится, — сказал Николай Александрыч. — Златой сосуд! По времени будет в нем благодать великая.

— Слава в вышних Богу! — благоговейно поднявши глаза, проговорила Марья Ивановна. — На Дуню я тоже много рассчитываю. Помните, как в прошлом году я под осень гостила у вас, про нее тогда я вам сказывала, что как скоро заговорила я с ней, едва открывая «тайну», дух на нее накатил² — вся задрожала, затрепетала, как голубь, глаза загорелись, и без чувств упала она ко мне на руки. Великим знаме-

¹ Ходить в «слове» — пророчествовать во время исступления, находящего на иных хлыстов во время радения и после него.

² Дух накатил, то есть сошел дух (по понятиям хлыстов, святой дух).

нием тогда я это сочла. А теперь, как гостила у них, каждый почти день бывала она в восторге, так и трясет ее всю: судороги, истерика, пена у рта. Ни словом ей не заикнулась я, что бывает у нас на радениях, а все-таки ее поднимало.

— Дай Господи такую подвижницу, подай истинный свет и новую силу в слове ее, — сложив руки, набожно сказал Николай Александрыч. — Ежели так, можно будет ее допустить на собрание, и если готова принять «благодать», то можно и «привод» сделать... Только ведь она у отца живет... Помнится мне, говорила ты, Машенька, что он раскольников и совсем плотской язычник, духовного в нем, говорила ты, нет ни капельки.

— Это так, — подтвердила Марья Ивановна. — Как есть плотской — только деньги на уме.

— Как же Авдотьюшка, познав тайну, станет в Гоморре жить? — сказал Николай Александрыч. — Тяжело ведь ей будет меж язычниками... Некому будет ни утешить ее, ни поддержать в ней святого пламени. Устоит ли тогда она на «правом пути», сохранит ли «тайну сокровенную»? Об этом надо обсудить хорошенько. То помни, Машенька, что ангелы небесные ликуют и радуются, когда языческая душа вступает в ограду спасения, но все небесные силы в тоске и печали мечутся по небу, ежели «приведенная» душа возвратится вспять и снова вступит на погибельный путь фарисейский.

— Со мной часто будет видаться, я буду ее поддерживать. Отец обещал отпускать ее ко мне в Фатьянку. При мне не пойдет она в адские ворота, не возвратится в язычество, — твердо и решительно сказала Марья Ивановна. — На «приводе» я, пожалуй, буду ее поручницей и все время, пока обитаю в этом греховном теле, стану поддерживать ее на «правом пути».

— А дашь ли за нее страшное священное зарученье? — строго спросил у сестрицы Николай Александрыч.

— Дам, — ответила Марья Ивановна. — Дам, потому что ручаюсь за нее, как за самое себя.

— Но ведь ты знаешь, Машенька, что бывает с заручниками, если приведенные ими отвергнутся «пути»? — спросил Николай Александрыч.

— Знаю, — слегка кивнув головой, ответила Марья Ивановна.

— Отлучение от части праведных, отлучение от небесных сил, отторжение от святейшего сонма поющих хвалебные песни пред агнцем, вечное страдание души в греховном теле, низведение в геенну на нескончаемую власть врага¹, — торжественно говорил Николай Александрыч. — Вспомни, сестрица, вспомни, душевная моя.

— Не давала б я, Николаюшка, великого и страшного за-ручения, не ставила б за чужую душу в залог свою душу, еже-ли б не знала Дунюшки, — в исступленье, диким, дрожащим голосом сказала брату Марья Ивановна.

И, крепко стиснув руками грудь, со слезами на глазах, задыхаясь от непрерывных вздохов и сильных судорожных движений тела, стала она «выпевать»²:

— Высоко́ будет ходить во «святom во кругу». Высока́ ее доля небесная, всем праведным будет она любезная. Велики́ будут труды, да и правильны суды...

Все встали. На Марию Ивановну «накатило». Она была в восторге, в исступленье, слово ее было «живое слово, святое, вдохновенное, пророческое». Всем телом дрожа и сжимая грудь изо всей силы, диким, но торжественным каким-то голосом запела она:

¹ Хлысты никогда не употребляют слов «дьявол», «сатана», «черт» и тому подобных, дабы не осквернить проклятым именем своего языка. Одно у них имя ему — «враг», иногда «враг божий», редко «враг человеческого». Некоторые учителя их о дьяволе так говорят: «Какой он враг человекам? — он друг им и покровитель, как любимым своим созданиям. Он враг только нам, пришедшим из внешнего мира и познавшим правый путь и сокровенную тайну». Хлысты вполне уверены, что смертное тело человека сотворил Сатанаил по образу и подобию своему, потому он и владеет телом, а Бог в это тело вдунул дыхание жизни, то есть душу, по своему образу и подобию, оттого душа и бессмертна. Только познавшие правый путь и сокровенную тайну, по мнению их, войдут в селения праведных, остальные вечно будут мучиться, заключенные в тела и находясь в полной власти отца своего Сатанаила.

² «В ы п е в а т ь» — в беспамятстве говорить с рифмами, импровизировать.

Изведет из темниц
Сонмы чистых девиц,
Привлечет в божий чин
Сонмы грешных мужчин.
Сам Спаситель ей рад,
Возведет в вышний град,
Осенит святой дух
Ее огненный дух,
И на радость она
Будет Богу верна.
Поручусь за нее,
И молюсь за нее,
То — невеста Христа,
Снимет нас со креста,
Силу вышнюю даст,
Благодать преподаст.

С поникшими головами и сокрушенным сердцем слушали Луповицкие сестрицу свою, затрубившую в трубу живогласную, возглашавшую златые вещания, чудоносные, цельбоносные¹.

В изнеможенъе, без чувств упала Марья Ивановна на диван. Глаза ее закрылись, всю ее дергало и корчило в судорогах. Покрытое потом лицо ее горело, белая пена клубилась на раскрытых, трепетавших губах. Несколько минут продолжался такой припадок, и в это время никто из Луповицких не потревожился — и корчи и судороги они считали за действие святого духа, внезапно озарившего пророчицу. С благоговеньем смотрели они на страдавшую Марью Ивановну.

Мало-помалу она успокоилась, корчи и судороги прекратились, открыла она глаза, отерла лицо платком, села на диван, но ни слова не говорила. Подошла к ней Варвара Петровна со стаканом воды в руке. Большими глотками, с жадностью выпила воду Марья Ивановна и чуть слышно промолвила:

¹ Трубой живогласною и златыми вещаниями чудоносными, цельбоносными хлысты называют слова пророков, сказанные во время исступления.

— Еще.

Другой стакан подала Варвара Петровна, Марья Ивановна и его выпила, волнение стало в ней прекращаться, только грудь поднималась тяжело и порывисто.

«Живым словом» Марьи Ивановны была решена участь Дуни. Луповицкие с радостью согласились открыть ей всю «сокровенную тайну». В слове Марьи Ивановны и в постигшем ее после того припадке они видели явную на то волю Божию.

— Я пойду... разденусь... лягу в постель... — слабым, упавшим голосом проговорила Марья Ивановна, приподнимаясь с дивана. Варвара Петровна подхватила ее под руку и тихонько, с осторожностью повела едва передвигавшую ноги пророчицу.

* * *

В родительском доме в последнее время все дни с утра до ночи Дуня проводила с Марьей Ивановной, в Луповицах стала она неразлучна с Варенькой. Погода на ту пору стояла тихая, теплая, и обе девушки из сада почти не выходили, они бывали в доме только за обедом и за чаем. Постель Дуни на первое время поставили в Варенькиной спальне, пока не приготовили заезжей гостье особой комнаты. Все это сделано было по желанью Марьи Ивановны. И во время прогулок, и по ночам, лежа в постелях, Дуня водила с Варенькой такие же разговоры, как прежде с Марьей Ивановной. Рассказы молодой девушки о таинственной вере нравились Дуне больше, чем рассказы Марьи Ивановны. Они были ей проще и понятнее. Иногда приходили к ним в сад и Варвара Петровна и Марья Ивановна, но всегда на короткое время. В совете Луповицких Дуня отдана была для вразумлений Вареньке, потому что эта ближе подходила к ней возрастом и потому могла иметь больше на нее влияния.

Однажды Варенька с Дуней, крепко обнявшись, сидели на уютном диванчике в обширной теплице, уставленной одними пальмами. Других растений в теплице не было. Го-

ворили девушки о «союзе», к которому так неудержимо влеклась мечтательная Дуня.

— Варенька, я тебе еще, кажется, не сказывала, что Марья Ивановна обещалась мне здесь, в Луповицах, показать таких праведных, что говорят «живое слово», — сказала Дуня. — Теперь каждый день я ее спрашиваю, когда ж это будет, а у нее только и ответов: погоди да погоди.

— А тебе хочется видеть их? — с улыбкой спросила Варенька.

— Господи! Да я бы жизнь отдала, только бы взглянуть на них, только бы одно «живое слово» услышать, — с живым нетерпением отвечала Дуня.

— Разве ты никогда не видала их? — улыбаясь, спросила Варенька.

— Где ж мне видеть их? — грустно промолвила Дуня. — Не такая жизнь выпала на долю мне. Не знаешь разве, что я выросла в скиту, а потом жила у тятеньки в четырех стенах. До знакомства с Марьей Ивановной о духовности и понятия у меня не было. Только она открыла мне глаза.

— А ты и не догадалась, что сама она «просветлена», что в ней самой дух Божий живет, что сама она вещает «глаголы живота»? — спросила Варенька.

— Как? Неужли? — в изумлении вскрикнула Дуня и порывисто вскочила с диванчика.

— Да, «просветлена», — сказала Варенька. — Она уже давно таинственно умерла и давно таинственно воскресла. Нет в ней греховного человека, нет в ней ветхого Адама. Не доступны ей ни грех, ни страсти, свойственные человеку.

Припомнила Дуня слова Марьи Ивановны о людях, что после таинственной смерти таинственно воскресают. Ее слова были памяты ей, в сердце носила их.

— Так в ней сам Бог?.. Так от нее от самой можно слышать слово вечной жизни? — воскликнула Дуня задрожавшим от волнения голосом.

— Да, она «труба живогласная», — молвила Варенька. — Она святая пророчица, устами ее дух волю свою вещает.

— А я и не знала... И в голову мне не приходило... — тихо опускаясь на диванчик, едва слышно промолвила Дуня.

— Чужому знать этого нельзя, — сказала Варенька.

— Зачем же она не сказала мне?.. Зачем говорила, что увижу таких людей только здесь, в Луповицах?.. — тоскливо говорила Дуня, не слушая Вареньки.

— Услышишь... И ее услышишь, и других услышишь, — сказала Варенька. — В пророческом слове не одна она ходит.

— Кто же еще? — спросила Дуня.

— Дядюшка и еще другие, — ответила Варенька.

— Как? Николай Александрыч?

— Да. Силен в нем дух, сильнее, чем в тете Машеньке. Он ведь кормщик корабля, всем руководит. В нем давно уж нет своей воли, она вся попалена небесным огнем, совсем уничтожена. В нем одна только святая воля духа. Что б он ни приказал, чего б ни захотел, все исполняй, как Божье повеленье. Что б ни сказал он, во всяком слове его премудрость Божия. Слепым, что живут языческой жизнью в плене вавилонском, тем, что валяются в смрадной тине грехов, слова его, конечно, покажутся безумием. Но помни, Дунюшка, слово, сказанное в Писании: «Безумное Божие мудрее людей, и немощное Божие сильнее человеков»¹. Всякий кормщик, такой, как дядюшка, что бы ни сделал, все свято сделал. Как бы его поступок ни показался скверным, даже незаконным, все-таки он безмерно выше, нравственное и законнее высшей чистоты и праведности человеческой. Не кормщик так поступает, а живущий в нем дух. Читала ли ты преподобного отца Макария Египетского?

— Как же не читать? — отвечала Дуня.

— Вспомни, что говорит он: «Душа, которую дух, уготовляющий себе в престол и жилище, удостоит приобщиться его света, осияет неизреченною красотой его славы. Она сама вся становится светом, в ней не остается ни одной части, которая бы не была исполнена духовных очей». А со многими очами, многоочитые кто?

— Херувимы, — сказала Дуня.

¹ I Коринф., 1—25.